

В. В. Шуликовская

**ЗАПИСКИ МИЗАНТРОПА.
МАСКАРАД НЕИДЕАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ**

БОН АНЦА

Ижевск

2014

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)
Ш 95

Шуликовская В.В.

Ш 95 **Записки мизантропа. Маскарад неидеальных людей /**
В. В. Шуликовская. — Ижевск: Информационно-изда-
тельский центр «Бон Анца», 2014. — 40 с.

Верно ли, что европейская цивилизация с её либеральностью и гуманизмом исчерпала себя и близится к логическому завершению? Как должен выживать человек, желающий остаться человеком в бездуховном мире потребительских ценностей? Автор книги предлагает читателю задуматься над этими и некоторыми другими вопросами.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 978-5-905883-41-5 © В. В. Шуликовская, 2014
© Информационно-издательский центр
«Бон Анца» (оформление), 2014

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Меня часто спрашивают: «Ну почему «мизантроп»? Или проще: «Откуда в тебе столько ненависти?» Что ж, один ответ напрашивается сам собой: ненавидеть легче, чем понимать, прощать и пытаться исправить. Ненависть проста и не накладывает обязательств. Именно поэтому ненависть — это зачастую обратная сторона любви, а мизантроп — бывший любитель человечества, слишком рано надорвавший своё сердце.

Однако можно найти и другую причину, не столь очевидную: убеждение в том, что текущая цивилизация исчерпала себя. Наша история не закончена, а именно исчерпана в том смысле, что всё самое важное и интересное, что могло случиться с нами в рамках действующей истории, уже случилось. Двадцатый век со всей очевидностью показал нам, к чему *на самом деле* приводит отмена частной собственности и экономическое равенство людей. Боюсь, что век двадцать первый продемонстрирует нам, что такое свобода личности, демократия и гуманизм, доведенные до своего предела, то есть — до абсурда.

Представим себе этот идеал полностью свободного человека, которому ни разу в жизни не было стыдно или страшно. Даже трудно не было. Человека, который не знает ни ответственности, ни обязательств. Что у него есть? Брачный партнер, которого можно в любой момент поменять или выбросить, как сломанную игрушку. Дети, которых могут в любой момент отобрать, чтобы продать другим родителям. Чужие дети, которых можно усыновлять и возвращать обратно, которыми можно обмениваться, как товаром на вещевом рынке. Родина, которую можно выбирать по своему усмотрению. Такая же условная и временная вера и такое же ремесло. Ему обещают вот-вот отменить даже последнее и самое неумолимое испытание: старость и смерть. О чём должен мечтать этот идеально эмансипированный человек, к чему стремиться? Вокруг каких центров должны обращаться его духовные миры? Разумеется, бывают люди, в одиночку способные заме-

нить собой целую вселенную, но это скорее исключение, нежели правило.

Нет, конечно, вам предложат в качестве развлечения любовь или доброту, но только какую-то игрушечную. Не требующую серьёзных жертв. Маленькую и нестрашную. От которой всегда можно отказаться, если вдруг надоест. Но, в сущности, нынешний идеальный человек должен быть одержим только одной настоящей любовью: безумной всепоглощающей любовью к себе. Он — идеальный потребитель. Идеальный эгоист, стремящийся заполнить собой всё доступное пространство. Его основное качество — ненасыщаемость.

Однако неумение вовремя остановить себя однажды даст очевидный результат: эгоистам сделается тесно на нашей маленькой планете, и тогда, воюя друг с другом, они походя уничтожат всё вокруг — в худшем случае. В лучшем же случае очередное поколение, доведённое до отчаяния либеральными ценностями, попытается жить не с ними, а против них, что, в сущности, очень печально. Поэтому — ненависть, поэтому — «Записки мизантропа».

2014

МАСКАРАД НЕИДЕАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Пейзаж

Мы верим зря, мечтаем мало:
Какие могут быть мечты
В эпоху смутных идеалов
И растяженья красоты?

И растяжения свободы...
Но растяжение есть абсурд,
Когда моральные уроды
Чушь агрессивную несут,

Когда ничтожные созданы,
Как хоругвь, поднимают вновь
В своём последнем оправданье
Свою убогую любовь,

Когда в слезах встают другие,
Кто слишком добр иль слишком глуп,
Вцепившись в истины былые,
Лишь подрумянивают труп,

Не верят в смерть, в конечность наций,
В конечность знаний, вер и сил,
И крах былых цивилизаций
Их ничему не научил.

Такая доля нам досталась:
Жить в смутный предрассветный час
И знать (что, в общем-то, не малость):
Заря взойдёт. Но не для нас.

I. Идеальный человек

*... И воздь в ответ: «То горестный удел
Тех жалких душ, что прожили, не зная
Ни славы, ни позора смертных дел.*

*... Их память на земле невоскресима;
От них и суд, и милость отошли.
Они не стоят слов: взгляни — и мимо!»*

Данте Алигьери
«Божественная комедия»¹

*На-дуть вырастить дитёв
Не хуже, чем у людёв,
Да пристроить их к корыту²,
Лучше бы — без лишних слов.*

*А у тех дитёв — свои,
Ишь, трещат, как воробьи...
Так и будем размножаться,
Думая, что по любви.*

Народная песня
на новый лад

Рождён без боли, без печали
Довольный жизнью молодец;
Ни разу мать не накричала,
И уши не надрал отец,

Аплодисментами встречая
Любую из его затей:
Ура! Ребёнок проявляет
Свободу личности своей.

¹ Перевод с ит. М. Лозинского.

² Имеется в виду не то корыто, в котором стирают бельё, а то, из которого кормят свиней.

Растёт свободолоуб в штанишках,
«Хочу!» и «Дай!» — его конёк;
Он в Бога верит, но не слишком;
Пытливость — не его порок.

Его в учении заботит
Понятный, чёткий результат:
Найти хорошую работу,
Где много платят просто так,

Где он, как винтик, будет встроен
В один гигантский механизм:
Купить – продать – занять – пристроить,
Ведь потребление — это жизнь.

Он с неба звёзд хватать не станет
И порох не изобретёт;
Семью — если карман потянет —
Ну и детишек заведёт.

А если струны сердца дрогнут
И слёзы мимо побегут,
Ему врачи тотчас помогут
И от безумия спасут.

Он сможет слышать или видеть
Лишь то, что велено узнать;
Укажут — будет ненавидеть,
Прикажут — станет горевать,

В знак сострадания культурно
Побреет голову порой
Иль мусор донесёт до урны
И думает, что он — герой.

Стремясь, как многие герои,
И не болеть, и не стареть,
Поймет он: всё дороже стоит
Деньгами время одолеть.

Но всё же в этой схватке вечной
Однажды верх возьмут года,
И он умрёт: легко, беспечно,
Не зная ни боли, ни стыда.

Ужель он сгинет безвозвратно?
Ведь в мире радостей не счесть!
Ему бы было так приятно
То сладко спать, то вкусно есть.

II. Маскарад неидеальных людей

Вальс-фантазия

*Своими неосторожными поступками
мы сами роём себе могилу.*

Народная мудрость

*Если могила вырыта,
надо ложиться в неё.*

Ещё одна народная мудрость

Безумец могилу роет,
Пьянея от боли в сердце,
С улыбкой шальной и детской,
Небрежно песок рыхля;

Безумец роет могилу.
Мечтавшая жадно и глухо
Стать для кого-то пухом,
Нарочно мягка земля.

Могилу безумец роет,
И воет надрывно ветер,
А день нынче жёлт и светел,
И время уходит вон.

Могилу роет безумец,
И нет никого на свете.
Навечно один со смертью,
Любуется ветром он.

Роет безумец могилу
И слепнет, больной до дрожи:

Так тяжела эта ноша
Для узеньких, хрупких плеч.

Роег могилу безумец,
И слава его огромна:
Ведь скоро, счастливый и сонный,
Он сможет в могилу лечь.

Правила маскарада

Когда в горячечной постели
Закончат спор добро и зло,
Пройду обещанным тоннелем
В страну, где тихо и тепло.

Пейзаж немного неумелый:
Одновременны тьма и свет.
А что моё земное тело?
Как будто здесь, как будто нет.

Меня тут ждуг, в меня тут веряг
Те, кто земной отжили срок.
Их боль — в одном: они не звери,
И каждый страшно одинок,

И каждый принят в нашем круге
Не просто так — в нас нету лжи, —
Не по уму, не по заслугам,
Скорей — по сложности души.

Свой путь окину взглядом сверху,
Все возрасты, все времена.
Моя душа прошла проверку.
Она достаточно сложна.

И, смахивая пот с опаской
С осточертевшего чела,
Я вдруг пойму, что это — маска,
В которой я всю жизнь жила.

Сорвать её? Смешно и дико.
И улыбнется кто-нибудь:
«Пока оставь! Ведь мы безлики,
А маски отражают суть».

Сколь сладкой будет наша встреча!
Рассказ о жизнях прожитых...
Быть может, миг, быть может, вечность
Я — дома, я — среди своих.

Сияет свет в глазах любимых,
И голоса сердец в ту ночь
Сольются в хор неутомимый;
Мы маски побросаем прочь

И вместе полетим по кругу;
Когда же разорвётся строй,
Мы обменяемся друг с другом:
Манерой, масками, судьбой, —

Чтоб вновь сыграть в гигантской пьесе,
Собрав народы и века,
И убежать сюда, всем вместе,
И — снова в круг, к руке рука.

А вы, кто взглянет без опаски
На наш весёлый хоровод,
Прошу, примерьте эти маски:
Кому какая подойдёт.

Вопрошающий

Кто я такой? Я не надеюсь
Войти в историю. Представь:
На свет является младенец
С недоумением в глазах.

Он на себя как будто злится:
«Зачем я должен вдруг вдохнуть?
И к этой женщине стремиться?
И брать губами эту грудь,

Глотая капли липкой дряни?
Зачем мне этот тяжкий труд?»
Потом учителя и няни
Его тупицей назовут.

Простые вещи, в самом деле,
Неясны бедному уму.
— Ведь жизнь прекрасна!
— Неужели?
— Ведь жизнь бесценна!
— Почему?

Его мальчишки поношеньем
И свистом станут провожать:
Ему и дружба, и ученье —
Лишь средство время скоротать.

И игры юности мятежной
Ему необъяснимы вновь.
Да, он услышит голос нежный:
— Люблю!
— А что это: любовь?

Зачем в дурацкой неге томной
Мне чьи-то плечи обнимать?
А вдруг появятся потомки,
Которым всё изволь отдать?

— Учись, трудись! Ты должен в люди
Пробиться!

— А сейчас я кто?

— Мы мстить обидчикам не будем,
У них ведь дети!

— Ну и что?

Так и пойдет, пока однажды,
Средь белизны больничных стен,
Врач умирающему скажет:
— Живи! Ты должен жить!

— Зачем?

Почтим же память сумасброда,
Кто в суматохе глупых дней,
Не в силах одолеть природы,
Хотя бы усомнился в ней!

Гуманист

С младенчества пытались мне внушить:
Убийство — самый страшный из грехов,
Нет дара драгоценнее, чем жизнь.
И я поверил в правду этих слов.

Я милостыню нищим подавал,
Я всем убогим стал вернейший друг,
Я на зверей руки не поднимал.
Но я их ел! Как многие вокруг.

Где наше благородство? Наша честь?
Мы мучаем зверей — ведь мы их выше,
А после убиваем, чтобы съесть.
Они кричат — мы этого не слышим.

Однако и растениям не легче;
Мы — злобные над ними короли:
Кромсаем ветви их, стволы калечим
И корни выдираем из земли.

Как просто и как быстро мы решаем:
Этому — жить, а этого — убить,
Не знаем страха, жалость отвергаем.
Зачем? Чтоб брюхо посытней набить!

Раздавленный стыдом и сожаленьем,
Я, как монах, питаться был готов
Плодами изувеченных растений
И молоком истерзанных коров.

Но этим не исправить злого рода!
Лишь заболев, пытаясь боль стерпеть,
Я понял, как устроена природа:
Цена любой из жизней — чья-то смерть.

Приняв лекарство, я себя спасаю,
Убив безглазых, глулых и немых,
Всех тех, кто кровь и плоть мою сжирает.
Но разве я хоть чем-то лучше их?

Какой жестокий принцип у природы!
Кругом — обман, убийство и разбой.
А тем, кто выше, тем, кто благородней,
Всего гуманней — жертвовать собой.

Я запретил врачам себя лечить.
Но, умирая, я не забывал
У воздуха прощения просить
За то, что я им всё-таки дышал.

Добродетельные (Incorruptibles³)

Опыт парного портрета

Версия 1, античная

Республики больше нет.

Наступило царство разбойников.

Неподкупный

Мне не хотелось красть или лукавить,
Я занимал себя другой работой:
Придумать список произвольных правил
И жить, не отступая ни на йоту.

Я взял за образец любовь к Отчизне;
Быть патриотом, в общем-то, несложно:
Я поступал во все мгновенья жизни
Не так, как хочется, а так, как должно.

Старательно я делал свою душу
Прямолинейной, резкой, неуместной.
Бесхитростный, не видящий ловушек,
Возможно, я был глуп. Но я был честен.

³ Прозвище “Incorruptible” на русский язык обычно переводят как «Неподкупный», хотя подобные души способны противостоять не только материальным соблазнам. Я предпочитаю говорить о добродетели, так как более точный перевод: «неразвращаемый» — по-русски звучит ужасно, а «не поддающийся порче» — слишком длинно.

Меня любила чернь. Не зная наживы,
В эпоху войн, брожений и шатаний
Я объяснял им тайные мотивы
Своих поступков и чужих деяний.

Меня любили, мне рукоплескали
И плакали, когда я говорил,
Но не меня вождём себе избрали,
А тех, других, кто деньги им платил.

И вот Отчизна сделалась иною,
Я не сумел мой прежний мир сберечь,
Я проиграл — и твёрдою рукою
Воткнул себе в живот короткий меч.

Я человеком был, а стал легендой,
И строгой, и чудовищно простой:
Быть мёртвым лучше, нежели быть пленным;
Из всех путей кратчайший путь — прямой.

Во время смут я властвовал сердцами,
Как миф, как идеальный гражданин,
И юноши с горящими глазами
Клялись Отчизне именем моим.

Версия 2, сентиментальная

*Человек выходит из рук природы добрым.
Следовательно, если человек порочен, то виноваты в этом общественные институты.*

Неподкупный

Им мало того, что неудобный или бдительный человек, отчаявшись в своей пользе, удалится; одно его существование является для них предметом страха, и они задумали во тьме отнять у него вместе с жизнью право защищать народ.

Он же два года спустя⁴

Я с детства знал, что каждый человек
И добр, и честен по своей природе.
Я был таким. Я жил в тот странный век,
Когда добро и честность были в моде.

Мы все мечтали повести народ
Из царства Зла к **Свободе** величавой.
Я говорил, мне верили — и вот,
Как на руках, несли к вершинам славы.

Я принял власть, которой не желал,
Но ведь во мне ничто не поменялось!
Да, то, о чём я издавна мечтал,
Теперь довольно часто исполнялось.

Я строил Царство Правды, мудрых Слов,
Но не учёл две истины простые:
Я, не имея собственных грехов,
Не мог понять, не мог простить чужие.

⁴ Пер. Ф. Шуваевой.

К тому же я был слеп. Сквозь тень ресниц
Я видел мир расплывчатым и странным
И на размытых пятнах вместо лиц
Легко воображал черты желанны.

С кем я делил свои посты в верхах?
С кем вместе грезил о народном счастье?
Разбогатели на чужих слезах
И упивались бесконтрольной властью.

Но человек ведь от природы честен!
Как объяснить товарищей моих?
Неужто **Враг**, чужой и неизвестный,
Душевной порчей заражает их?

Я был не в силах никого убить,
Я не желал об этом даже слушать,
Но мне пришлось предателей казнить,
Чтобы спасти все остальные души.

А порча пожирала благородных
Друзей моих побед и неудач:
Вчера — защитник чаяний народных,
Сегодня — вор, развратник и палач.

И вновь: отсечь порок! Спасти живое!
Искать Врага, что козни вновь плетёт!
Как вдруг я услышал шипенье злое:
«Дрожи, тиран! Возмездие грядёт!»

Тиран? Я будто сделал шаг к могиле.
Я вдруг прозрел, я многое узнал:
Их, заражённых, больше! Я — бессилён.
Конечно, я и плакал, и кричал.

И всё же я мешал. Они боялись
Открыто красть и **напоказ** блудить.
Я думаю, они меня — стеснялись.
Стеснялись так, что предпочли убить.

Мне мог легко и просто отомстить
От их щедрот подкупленный злодей,
Но нет. Меня решили осудить
Средь бела дня, средь множества людей.

Но человек ведь честен от природы!
И там, где разразился мерзкий суд,
Я звал на помощь добрых патриотов.
Я верил, что они меня спасут.

Когда меня травили, будто пса,
Свидетели паденья моего,
Я заглянул им — каждому! — в глаза.
Они порочны! Все до одного!

И я погиб. Затем мои враги,
Страшась суда иного, глядя в Вечность,
Взвалили на меня свои грехи.
Я думаю, их ноша стала легче.

Увы! Мне так не шли бесчинства их!
Я отторгал их грязную любовь,
И блеск монет, и попранных святых...
Зато прилипла пролитая кровь.

И воссияла вновь моя звезда
Уже другой, неугасимой славой.
Я в Вечности останусь навсегда
С клеймом: «безумный шут, маньяк кровавый».

Лжец

Мне было скучно жить как можно дольше
В эпохе мимолётной и пустой;
Я много спал, а грезил — ещё больше;
В своём уме я мир создал иной.

Там, у меня, была любовь, и правда,
И скорбной чести сладостная ноша,
И высший смысл... Я не хотел обратно.
Но вдруг мой мир других спасти поможет?

Спасти ничтожных, глупых и безвольных,
Нарисовав иное бытие?
Я стал искать, кому на свете больно,
И говорить про царствие моё.

И вот тогда, наверное, случайно,
Я намекнул ученикам своим,
Что я — особый, что я знаю тайну
И мир моих фантазий — достигим.

Да, я солгал. Но ради их спасенья!
Не крал их денег, жён не домогался.
И если б я заметил тень сомненья
На чьих-то лицах — я бы им признался.

Но им и не хотелось сомневаться!
Я в них надежду новую вдохнул.
Конечно же, я не посмел сознаться:
«Простите, люди! Я вас обманул!»

А разве все великие пророки
Не лгали, когда плакали и пели

Те якобы божественные строки,
Чтоб направлять людей к священной цели?

Нет, в лабиринтах жизни затеряться
Невыносимо тем, кого я знал:
Их дух ослаб. Они всего боятся.
Пусть лучше верят в то, что я сказал.

И я увидел череду столетий,
Других эпох загадочную краску,
Где поколения тех, кто чист и светел,
Стремятся в мной придуманную сказку.

Увы! Они меня обожествляют!
Поверят сами и детей научат,
И им никто, никто не объясняет,
Что я солгал. Мне просто было скучно.

Любознательный

Я рос ребёнком страшно любопытным,
Во мне желанье зрело год от года:
В далёких высях и в глубинах скрытных
Разведать, как устроена природа.

Задача тяжести неимоверной:
Мир так огромен! А меня так мало!
Но я есть отражение Вселенной!
Так, может быть, познать себя сначала?

Сначала вспомнить. И в тетради длинной
Я годы своей жизни сосчитал.
Воспоминанья хлынули лавиной:
Я день и ночь писал и вспоминал.

Шатался и дробился мир мой хрупкий,
Я вспомнил каждый взгляд и каждый стон;
Я вспомнил все постыдные поступки;
Когда я жалок был; когда смешон;

И мимолётных мыслей омерзенье —
Всё взвесил, всё измерил. Как же быть?
И мужества хватило, и терпенья.
Но вспомнить мало. Надо объяснить.

Я должен душу привести в систему,
На каждый вздох изобрести закон.
Так геометр выводит теоремы
Из маленького списка аксиом.

Я это сделал. Как же я был счастлив
Тем вечером, по-моему, весной:
Моя душа, разъятая на части,
Понятная, предстала предо мной!

Я не был ни плохим и ни хорошим.
Поняв, я смог во всём себя простить;
Я каждый шаг свой, будущий и прошлый,
Умел без затрудненья объяснить.

Познав себя, я сам себя разрушил,
И даже не скажу, что было жаль.
В моей душе, как в сломанной игрушке,
Испортилась какая-то деталь.

Я мог быть гордым, важным и печальным —
И потешаться в самой глубине.
И страх, и стыд возможны там, где тайна,
Но тайны больше не было во мне.

Я перестал страдать и сомневаться,
Я разучился верить и любить.
Я стал никем. Мне было восемнадцать.
Мне предстояло очень долго жить.

Новый пророк

(А. С. Пушкину посвящается)

Я видел: гибнет род людской,
Я Бога звал, я верил в благо.
Но Бог молчал, объят тоской.
И я тогда решил заплакать.

Я в плаче был неутомим,
Я в душной комнате шатался,
Но подгулявший серафим
На этот плач не откликался.

Он не придёт! Я сразу сник,
И, сам себе палач невольный,
Я вырвал бедный свой язык
И сжёг его. Мне было больно.

Почуяв холод впереди,
Сосредоточен и серьёзен,
Я вынул сердце из груди.
Оно застыло на морозе.

Я сам другой язык создал,
Отверз себе глаза и уши.
Конечно, я чему-то внял,
Но как же скучно было слушать!

Конечно, к людям я потёк,
Я нёс им огонь витиеватый
И нежный каменный цветок,
Что моим сердцем был когда-то.

Но этот дар и этот свет
Им были злы и неприятны:
Я изменился, люди — нет,
И мы друг другу непонятны.

Я встал у бездны на краю.
Что толку жить? Так неуместно
Я изувечил плоть свою.
Но это было интересно!

Я жил, творил, я видел свет,
Я ждал и мучился, волнуюсь...
Неважно, понят я или нет,
Или куда сейчас шагну я.

III. Солдаты арьергарда

Генерал, прошедший сквозь ад,
И штабной Декарт
Самых мужественных солдат
Берут в арьергард.

Тяжело последним принять
Безнадёжный бой.
И не скажешь: «Спасите меня!
Заберите с собой!»

Так и я: с седой головой,
На оси времён,

Как осколок эпохи былой,
Уходящей вон.

Все, кто жил, кто был дорог мне,
Покинули сцену.
На меня в наползающей тьме
Бредут манекены.

Ни герои им не нужны,
Ни истины свет:
Все вопросы давно решены,
Исчерпан сюжет.

Ни любви, ни жертв, ни святых:
Страдать не хотят.
И того, кто сложнее их,
Они не простят.

Где ж ты, звёзды звавшее в бой,
Племя моё?
Заберите меня с собой!
В небытие!

2013–2014

ЗАПИСКИ МИЗАНТРОПА

Хроники эпохи духовного безвременья

Введение

Надо дождаться всеобщего зла, настолько страшного, чтобы общество ощутило, наконец, необходимость добра.

Антуан Сен-Жюст

«Каждый человек имеет право на счастье», — с характерным для них благородством изрекли однажды мыслители эпохи Просвещения, и тысячи грубых глоток дружным рёвом понесли эту фразу по разным странам и по разным векам. «Я имею право на счастье!» — сказал себе каждый из них, не задумываясь о том, что право это дано не только ему одному. Действительно, о каких это других может идти речь, если герои и святые гибнут во имя моё? Они ведь отдают свои жизни за народ, а народ — это я и есть. Слабые, внушаемые, жадные до лёгких удовольствий, они не хотели думать о ком-то или о чём-то, кроме себя. И никто из них не понимал, что единственное доступное им счастье — это счастье обладания какой-нибудь очередной побрякушкой с бубенчиками, которую так сладко рекламируют завлекательные дяденьки и тётеньки. А единственная доступная им свобода — это свобода выбора товара в ближайшем магазине, и сами они — лишь звено в море потребительских связей, таких же разветвлённых и таких же бессмысленных, как пищевые цепи.

Мне довелось жить в ту эпоху, когда и светская, и даже духовная власть окончательно сосредоточилась на обывательских, на чисто потребительских интересах, не умея и не желая ставить перед собой задачи высшего порядка. И с каждым годом окружающий мир всё больше напоминал мне преисподнюю, в которой нельзя было жить, можно было только выживать, терпеть и му-

чаться в ожидании конца. Ничего большего мои дорогие современники мне бы не позволили.

И дело не в том, что они ненавидели меня или презирали меня. Они просто не могли поверить, что в мире есть люди, непохожие на них, и в недоумении своём были абсолютно искренни. Им было невдомёк, что существуют на свете люди, способные перевернуть небо и землю в поисках никому не нужной истины, люди, всю жизнь потратившие на служение бесполезной красоте, люди, готовые принести себя в жертву, пойти на мучительную смерть, лишь бы этот мир стал хоть немного добрее. Они вообще не понимали, как можно пойти на смерть, и готовы были продлять свою никчёмную жизнь до бесконечности, даже если за это придётся заплатить тысячами чужих жизней.

Историй о том, как самодовольные потребители вторгались в мой мир, не счесть. Я расскажу только две из них: о том, как у меня отобрали возможность любить, и о том, как меня лишили права мечтать.

Размышления с ключом в руке

Программе утилизации старых автомобилей посвящается

Я сидела за рулём своего «Москвича», сжимая в руке связку ключей, один из которых уже почти касался замка зажигания. Автомобиль стоял в гараже, а ворота гаража были накрепко заперты изнутри. Если я сейчас поверну ключ — заработает двигатель, и ядовитые выхлопные газы заполнят гараж, салон автомобиля, мои лёгкие... Меня не успеют спасти. Услышать, понять, в чём дело, выломать дверь — на всё это нужно время. Да и станут ли спасать? Во всяком случае, самая сложная часть моего мозга погибнет. И мне сразу станет легче. Намного легче. А может быть, я и вообще умру. Как и мой обречённый автомобиль. Жаль, что нас похоронят не вместе.

Вообще-то, идея приобрести машину принадлежала не мне. Я всегда боялась иметь много вещей, меня слишком мучило чув-

ство вины перед ними. Для меня, к сожалению, до сих пор каждая вещь имела свою душу, воплощая в себе чью-то боль и чей-то труд, надежду и радость открытия. Кто-то неизвестный старался и страдал, создавая её, она ещё хранит тепло его рук, и нельзя допустить, чтобы всё это было напрасным. Мне всегда казалось, что мои вещи могли бы найти для себя хозяев получше, чем я. Таких, которым они принесли бы больше пользы. Ведь мне, по большому счёту, ничего не надо.

И когда обстоятельства сложились так, что на руках у меня оказался стареющий автомобиль, потерявший хозяина, разумнее всего, конечно, было бы отказаться от него и передать в другие руки, надёжные и заботливые. Но заботливых рук поблизости не находилось. К тому же как раз тогда странное безумие стало овладевать мной.

С тех пор как много лет назад атмосфера эпохи сделалась вдруг нестерпимо душной, лица окружавших меня людей удивительно опустели, всякая духовность исчезла из этих лиц, осталась лишь бесконечная алчность и жажда несложных удовольствий. И я возненавидела людей за это. Я не могла им простить их желания жить, их погони за глупым обывательским счастьем. Отсутствия благородства и привычки походя пользоваться чужим благородством. Например, моим. И презирать меня за это.

В таких случаях обычно заводят кошку или собаку, но я этого сделать не могла. Не могла видеть их глаз, ждущих от меня любви и заботы, на которые у меня не было сил. Впрочем, животные тоже хотели жить и были во многом ещё эгоистичнее, чем люди. Эгоистичнее и одновременно бесхитростнее. Даже растения вцеплялись в землю каждым своим корешком и готовы были заполнить собой весь белый свет в ущерб всякому другому существованию. Наверное, в самом принципе организации жизни на Земле было что-то глубоко порочное, глубоко ненавистное мне.

Но, видно, в каждом человеке заложена жажда хоть какой-то любви, и тогда я обратила свой взор на тех, кто не живёт, то есть на вещи. Так и случилось, что самым любимым существом для меня, существом, на которое можно было обратить всю свою

нежность и преданность, оказался мой автомобиль, то есть тварь неодошевлённая. Я заботилась о нём, как умела, даже если умела не всегда хорошо. А он никогда меня ни о чём не просил, терпел все мои причуды и не упрекал за долгую разлуку. Это был мой единственный друг, верный, спокойный, надёжный. И абсолютно беззащитный перед тем обществом, в котором нам с ним приходилось жить.

Что ж, казалось бы, каждый волен проявлять доброту и любовь в той форме, какая ему больше нравится, если это никому не причиняет вреда. Однако любовь и верность по отношению к неживым предметам никак не вписывались в самую суть окружившего меня мира, где основное назначение каждого разумного существа — потреблять, покупать как можно больше новых вещей, безжалостно выбрасывая старые. Общество хотело, чтобы я научилась относить на помойку чужой опыт и чужую надежду, а вместе с ними — и кусочек прожитой мною жизни, кусочек моей души, воплотившийся в бездушный предмет. Общество хотело, чтобы новая машина появлялась у меня хотя бы каждые года три, а лучше — каждый год, а ещё лучше — раз в пару месяцев. Мне предлагали совершить предательство. Меня убеждали совершить предательство, требовали, угрожали и даже обещали за это предательство хорошо заплатить. И я стала ощущать себя песчинкой на жерновах гигантского механизма, песчинкой, которую надо немедленно уничтожить, иначе она, не дай бог, будет опасна.

Не счесть тех друзей, далёких и близких, кто уговаривал меня продать, наконец, эту непрестижную машину, а лучше — выбросить. Не счесть тех автослесарей, которые с вежливой снисходительностью давали мне понять, что мне не место в их мастерских, и тех продавцов, которые, бросая на прилавок запчасти, предупреждали: «Но они всё равно бракованные». И в голосе их звучала практически неподдельная доброта.

Для себя я давно решила относиться к этим советчикам с жалостью. Я видела в них особую, очень странную и очень страшную категорию инвалидов: людей, у которых нет души. Да, вот так: здоровье есть, интеллект сохранён, а души нет. Отсутству-

ет. Наверное, и не было никогда. И эти люди, эти существа чувствуют свою неполноценность, хотя и не понимают, в чём она состоит. Так умственно отсталый смутно догадывается, что он чем-то хуже других людей, но не может понять, чем же именно. Вот и эти, у которых нет души, всё пытаются, всё рвутся куда-то в непонятные для себя выси, но крыльев нет. А единственно доступный им способ стать лучше — это купить что-нибудь. А что-то другое выбросить. Наверное, в этот миг они ощущают себя царями Вселенной. Когда выбрасывают. И кажется им, что вот ещё один блестящий автомобиль, ещё одно кольцо с бриллиантом, квартира и трёхэтажная дача с бассейном и аэродромом, ещё одна путёвка на модный курорт — и высота взята. Но нет, не взята высота, отсутствующая душа не появляется, чувство своей неполноценности не исчезает. И необходим следующий рывок в никуда. Какое счастье, что они никогда этого не поймут.

Но я мешала не только им, я мешала и государству. А государство уговаривать не станет, ему проще сломать. И теперь раз в год специальные люди присвоили себе право решать, могу я оставить свой автомобиль у себя, или у меня отберут и уничтожат его. Причём нельзя сказать, чтобы эти люди судили по справедливости, чтобы они были умными, добрыми или порядочными, вовсе нет. Правда, считалось, что они заботятся о моей безопасности.

Да, неисправная машина может оказаться опасной. Однако неисправный человек зачастую ещё опаснее, но мы не убиваем его, а лечим, хотя это стоит намного дороже, чем отремонтировать сломанный автомобиль. И ведь я была готова чинить его, улучшать его, сделать всё, лишь бы это был по-прежнему он, лишь бы он оставался со мной. Но разве это кого-нибудь трогало?

Да, неисправная машина может оказаться опасной, но неисправным может вдруг стать любой автомобиль, стать неожиданно, внезапно. И если я постараюсь просчитать все возможные неисправности, учитывать всё и за всё нести ответ, то вряд ли это можно сказать о моих оппонентах, которые несутся впереди меня, не разбирая дороги, на сверкающем агрегате с волшебным

названием «иномарка». Вряд ли у них есть время хоть о чём-то подумать, они упиваются своим величием. Своей крутизной, как это принято сейчас называть.

Я решила бороться за свою машину, сколько смогу, ведь дело не только в автомобиле. Чтобы исправить царящее в мире зло, кто-то должен стать нестерпимо хорошим. Ну, хотя бы умереть, что ли.

Правда, был и ещё один выход. Простой и нечестный, но сохраняющий и мою жизнь, и жизнь дорогого для меня существа. Видимо, меня незримо подталкивали именно к этому выходу. Общество давало мне шанс понять, на что может толкнуть человека любовь. Общество хотело, чтобы я перестала, наконец, быть порядочнее других, и использовало для этого мой автомобиль, ведь в остальном я была практически неуязвима. Меня нельзя было мучить страхом смерти или тревогой за будущее моих детей, то есть основными источниками дохода в нынешнем мире, с его комфортом, лекарствами и программами вечной молодости, с его платным образованием и поиском уважения у людей, меряющих друг друга только по одежке, точнее, по марке автомобиля. Что ж, поступив нечестно, я спасу автомобиль. Но спасу ли я при этом свою любовь? Или она будет отравлена навсегда?

А что если настанет день, когда рождение нового ребёнка позволит выкачивать из родителей намного больше денег, чем лечение уже родившегося? И государству будет выгодно убивать как можно больше живых детей, объявив их больными и неисправными, чтобы вынудить людей, ко всеобщему благу, нарождать новых? Почти в полубреду я представляла себе ежегодные медосмотры и безумные глаза матерей, цепляющихся за своих сыновей и дочек. Как же мне раздобыть тебе справку, что ты здоров, малыш? Как мне уберечь тебя от этих людей, в чьей власти приговорить тебя к смерти? А если я сумею спасти тебя, не означает ли это, что им придётся убить кого-то ещё, ведь у них, наверное, есть свой план, который надо выполнять? И очереди, длинные, бесконечные очереди за правом на любовь...

Мне всё ещё оставалось повернуть ключ.

Разговор на лестнице

***Звуковое опьянение** — это возбуждение, возникающее из-за резонанса клеточных структур в ответ на громкие ритмичные звуки; по субъективным ощущениям оно аналогично алкогольному опьянению и одурманиванию наркотиками; именно звуковое опьянение — одна из причин успеха современной шумной музыки, сходной с возбуждающей музыкой дикарей.*

Экологический словарь

Много лет назад в соседней со мной квартире поселился молодой человек, обожавший денно и нощно слушать странную музыку, от которой почему-то сжималось сердце и невыносимая, звериная ненависть требовала сделать всё, пойти на всё, только бы он замолчал. Молодого человека чужие ощущения интересовали мало, ведь закон был на его стороне. Кулачное право — тоже. Случайность это или совпадение, но все пенсионеры, жившие по соседству с его квартирой, за несколько лет друг за другом умерли, все — от сердечных приступов. Кому-то из них не было и шестидесяти, и прожить они могли бы довольно долго. Музыкальный молодой человек до сих пор жив, процветает и вполне доволен собой. Правда, дискотек он больше не устраивает и искренне не понимает, почему я никогда не здороваюсь с ним при случайных встречах.

*Памяти моих соседей, не сумевших поднять
руку на своего мучителя, посвящается*

— Ну и чё те надо, тварь? Умную из себя строишь? — мы стояли друг против друга на лестничной клетке, обливаемой и обплёванной поколениями местных алкоголиков. Я вглядывалась в лицо моего собеседника. Правильнее всего было бы охарактеризовать его словом «пустое». В этом лице не было ни природного ума, ни интеллекта, ни трогательной гордости, и верой оно тоже не лучилось. Только тупое и нахальное самодовольство хозяина жизни, человека, который всё знает лучше всех на свете. Который всегда прав. Я представила, каким станет это лицо

через несколько лет, когда раздуются щёки, отвиснет подбородок и заплывут жиром глаза. И вдруг вспомнила другие глаза, такие же пустые и такие же самодовольные на синем от татуировок лице прирождённого уголовника. Но там всё было проще: в руке у него блеснул самодельный нож, и, как он радостно объяснял мне, только от него зависело, насколько далеко он высунет лезвие ножа, прежде чем пырнуть меня в живот. Я на нож не смотрела. Мне тогда показалось очень символичным, что именно такой вот похабный, пьяный, опустившийся человек с обезьяньим лицом станет моим убийцей. Впрочем, мой нынешний оппонент в роли убийцы был бы ещё символичнее. Уголовник хотя бы смутно ощущал, что человек он плохой и поступает неправильно. Этому сомнения были чужды. Тогда, как и сейчас, я решила смотреть только в глаза и надеялась, что в моих глазах не отразится ни мольбы, ни страха.

Тот, прежний, хотел отобрать у меня жизнь. Этому надо, чтобы я стала такой же, как он сам.

Где-то глубоко внутри я всё ещё сохранила способность думать, думать здраво, хотя и бессвязно. Обрывки мыслей, воспоминания не позволяли мне окончательно утратить своё «я». Я представляла себе те далёкие, давно прошедшие годы, когда в душе у меня почти всегда звучала другая музыка, та, которая нравилась мне, та, которую я могла мысленно слышать в любых вариациях, исполнять так, как сама этого захочу. В мыслях моих голоса друзей, реальных и выдуманных, сливались с голосами героев моих будущих книг, они спорили, дрались за свои идеалы, любили... В те годы мне почти никто и никогда не мешал. В те годы мне пророчили большое будущее: моим идеям, моим книгам, моим стихам. Но всё это постепенно закончилось.

Мало-помалу я стала ощущать, что неведомая сила словно бы выталкивает меня из окружающего мира, который отныне пойдёт одним путём, тогда как я пойду другим. Постепенно я привыкала к мысли, что в моей жизни не будет ни настоящей любви, ни дружбы, ни общего с кем-то дела. То, что по-настоящему волновало меня, никому не было интересно. А то, что ин-

тересовало окружающих, было глубоко противно мне. С каждым прожитым годом я словно отступала куда-то, уменьшалась в надежде спасти и сохранить свое внутреннее «я», сохранить свою самоидентичность, жертвуя ради этого карьерой, здоровьем, отношениями с другими людьми. Но в те времена мне казалось, что, съёживаясь понемногу, я становлюсь твёрдой и неприступной, как кристалл, потому что есть такая область, где ни одна тирания не властна надо мной. Я думала, что никто и никогда не отнимет у меня способность думать и мечтать, что я, нищая и голодная, без будущего, без надежды, смогу хотя бы в мыслях своих создать и сохранить тот мир, который меня устраивает, населив его людьми, с которыми можно дружить, которых можно любить.

Конечно, намного проще было бы умереть, и этот выход совершенно не пугал меня, но меня удерживало чувство долга, точное знание о том, что необходимо сделать, прежде чем я умру. Да и обязанностью своей я считала остаться с моими современниками в той нравственной яме, в которую они угодили. Получалось, что мне придётся имитировать жизнь среди людей, но по-настоящему быть отдельно от них. Я готовилась к этому автономному существованию во всех его подробностях. Я рассчитывала спастись от внешнего мира, закрывшись в своей квартире, и жить там так, как хочется мне. Урезав до минимума все физические потребности, чтобы почти не тратить сил на зарабатывание денег.

Я очень быстро научилась голодать. Достаточно было понять, что приступы звериного, нестерпимого голода на самом деле приходят не так уж часто, их надо просто перетерпеть. А в остальное время голод мне не мешал. Одежда, достаточная для жизни в нашем обществе, у меня была. Врачи мне почти никогда не требовались, священники — тем более. Я была в курсе всех научных идей моего времени. Настоящая музыка сама звучала во мне. Репродукции хороших картин у меня были. Хорошие книги я помнила наизусть. Я неплохо знала историю, так что примеры подлинных героев тоже всегда были со мной.

Кроме того, я знала, что смогу дружить с героями своих книг. Они не были ни слабыми, ни подлыми. Они были достаточно умны, чтобы я не презирала их за глупость. Они умели чувствовать, умели любить и страдать. Да, они знали, что такое любовь. Они умели требовать и отвечать, не боялись никакой ответственности и всегда стремились брать её на себя. Они умели брать и платить. Они знали, что такое гордость. Они были нравственны и любили людей, даже если сами этого не сознавали. Они имели свой мир, мир своих идей, и, в отличие от меня, они были живыми. Возможно, им не хватало беззаботности, но плохо ли это? И все они были очень разными, и каждый немножко походил на меня.

Меня очень мало трогало, что думают обо мне окружающие люди. Ведь и я о них практически никогда не думала.

Как счастлива я была в те дни. Голодная, в ветхой одежде, в холодной квартире, я, закутавшись в одеяло, вглядывалась в темноту, и в мозгу моём рождались видения иного мира и звучала удивительная музыка, и герои моих книг обступали меня. И мне казалось, что так будет всегда.

Но однажды рядом со мной поселилось чудовище. И однажды ночью в мои мысли ворвались чужие, невыносимо омерзительные звуки. Музыка — если это можно было назвать музыкой — грубая, безжалостная, разрушительная, сопровождалась ударами, от которых сердце моё начинало биться в каком-то другом ритме, с иной, чужой для меня скоростью, и я не могла успокоить его. Казалось, где-то изнутри в груди у меня подвесили камень, который тянет моё сердце вниз. Казалось, стоит только вздохнуть поглубже, и эта тяжесть пройдёт. Но бесполезно. И тогда, как больное животное, которому могучий инстинкт самосохранения велит избежать смертельной опасности, я готова была сделать всё, пойти на всё, только бы прекратить эту музыку. И понимала, что сделать ничего не могу. Разве что покончить с собой. Наверное, это было бы правильнее всего, но я тут же представила себе преисподнюю как вечную дискотеку, где безраздельно царствует духовное зло, дискотеку бесконечную и бес-

срочную, с которой уже не уйти. И содрогнулась от ужаса. И тогда дикие, безумные мысли стали вспыхивать у меня в голове, мне захотелось сделать что-то невыносимо плохое, какое-то невероятное зло, от которого мир содрогнётся. Мне хотелось убивать, убивать жестоко, заливаясь идиотским смехом, наносить удары в такт этому чудовищному стуку. Казалось, что кто-то нахальный и навязчивый, подобно беспардонному собеседнику, пытается впихнуть в меня свою точку зрения, размягчить мой мозг, деформировать его и сделать меня другим человеком — пустым, внушаемым, неспособным думать самостоятельно. Такими легко управлять. Из таких легко организовать толпу. Толпу, пляшущую на дискотеке.

Правда, иногда, если очередная песня вдруг заканчивалась, возникала недолгая пауза, и в эти несколько секунд и тяжесть на сердце, и безумная злоба сразу уходили от меня. Так умирающему позволяют иногда глотнуть кислорода, чтобы продлить его агонию. Я знала, что это ненадолго, что скоро опять начнётся музыка, а за ней придёт этот неизбежный, неумолимый стук. А потом наступила апатия, жар, как у плачущего ребёнка, когда и плакать уже невозможно, и обида ещё не прошла. И слабость, такая, что даже подняться не было сил. А к утру, когда чудовище угомонилось, я с ужасом поняла, что эта ночь может оказаться не единственной в моей жизни. И страхи мои оправдались. Таких ночей, да и дней с тех пор в моей жизни было немало.

Не проходило и дня, да что там, не проходило и часа, чтобы ритмичные удары не преследовали меня хоть несколько минут. Тихий мир, в котором иногда надо было чуть-чуть потерпеть чей-то стук, чей-то надсадный рёв, превратился в мир безбожный, громко орущий из распахнутых окон, из проезжающих мимо автомобилей, из-за стен моей собственной квартиры, где лишь иногда, в виде исключения, случались минуты драгоценной тишины, которая вот-вот закончится. А потом — снова стук и привычная, безнадежная ненависть. И никто не скажет мне, сколько часов придётся это терпеть, пока не наступит очередная пауза. И нет ни тихого часа, ни праздников, ни выходных.

Очень быстро мне открылись две истины. Во-первых, я никогда, ни при каких обстоятельствах не смогу выносить то, что мои современники называют музыкой. Во-вторых, эта моя особенность никого не интересует, жалеть меня или считаться со мной никто не собирается. Глупый вопрос: «Неужели люди могут быть такими жестокими?» — здесь был неуместным. Конечно, да, ведь речь идёт об их удовольствии. В любой момент в мои мечты, в мои мысли могут вломиться самым грубым и безжалостным образом, и сделает это не государство, не обнаглевший тиран-самодур, не какая-то особенная система подавления инакомыслящих, а любой подвыпивший, обкуренный и обколотый негодяй, которому хватило денег на приобретение звуковых колонок. Так, несомненно, намного удобнее, и дешевле, и проще. И я не имею права его остановить. Видимо, в этом и состоит демократия.

С тех пор для меня началась совсем другая жизнь, полная злобы, боли и ненависти к тем, кто так мучил меня.

Я долго внушала себе, что это тоже люди, что они обладают душой и интеллектом, что их можно обучить чему угодно. Я долго пыталась объяснить себе, что они ни в чём не виноваты. Их беда, а не вина в том, что они так легко поддаются внушению, так падки на наркотики, будь то алкоголь, азартные игры или громкая музыка. В конце концов, они действительно не могут, им плохо без очередной порции этих чудовищных звуков, как наркоману без очередной дозы. И они глухие, совсем глухие, им не понять, что такое громко и что такое тихо. Они уже давно не слышали шелест листьев, дальше тиканье часов, человеческий шёпот. И никто не скажет им об их глухоте.

Но с каждым новым воплем, от которого замирало и сжималось сердце, чёрная злоба вновь захлёстывала меня через край, и однажды я поддалась ей, решив, что жертва имеет право ненавидеть своих палачей. Я перестала искать в людях доброту и свет. Теперь я видела в них животных, сытых, раскормленных, томящихся от безделья. Все их поступки и даже мысли вполне можно было объяснить простыми, хорошо известными инстин-

ктами. В каждом их слове я искала ложь и фальшь. Как ни странно, от этого становилось легче.

Но одновременно я поняла и другое: для того чтобы создавать, необходимо любить этот мир, любить живущих в нём людей, интересоваться тем, что происходит вокруг. Так что больше я уже никогда ничего не напишу. И напрасно мои нерождённые дети, герои моих ненаписанных книг являлись мне во сне, тянули ко мне руки, требуя, умоляя, чтобы я рассказала о них миру. Напрасно мне снились яркие, полные смысла и чувств сюжеты, слова, которые могут потрясти чью-то душу. Я даже не пыталась вспомнить их поутру. Я знала, что теперь не имею права писать, разве что стихи: они короткие и для работы над ними иногда хватает и нескольких драгоценных минут тишины. И тогда я стала мечтать о смерти.

И если поначалу я пыталась как-то сопротивляться, внутренне отгородить себя от этих уничтожающих меня звуков, то теперь я всё чаще мысленно помогала им, помогала себя убить, убить своё сердце, чтобы всё быстрее закончилось, чтобы я успела умереть и спасти свою душу. Лучше умереть человеком, чем стать одной из них, тех, кто скачет и вопит в пьяной толпе. Потому что этих существ людьми называть уже нельзя.

И подумать только, ведь эти палачи, разрушающие моё здоровье и здоровье других ни в чем не повинных людей, эти убийцы, как ни странно, очень любят себя и очень хотят жить. А может, даже верят в добро и в торжество справедливости. Поэтому я сочла своим долгом хотя бы иногда объяснять им, кто они такие на самом деле.

— Ну и чё те надо, тварь? Умную из себя строишь? Да ладно, брось кочевряжиться, чё цену-то себе набивать. Клёво же! Во, глянь, новый диск натырил, блин, классно вставляет, улёт, блин, ва-аще!

А действительно, что мне, собственно говоря, надо? Ложиться спать, когда захочу, и просыпаться, когда это надо мне?

Слушать те мелодии, которые нравятся мне, и тогда, когда мне этого хочется? Слышать шелест листвы, пение птиц или шёпот ветра? Отдыхать? Читать хорошие книги? Искать незаметную, волшебную музыку истинных слов и нести её дальше, писать, сочинять стихи? По-своему осмысливать законы, которые правят миром? Мечтать?

Почему всё это сделалось роскошью, которая доступна немногим?

А ещё бы мне хотелось не слышать это невыносимо омерзительное постукивание, от которого сжимается сердце и просыпается всё самое плохое, самое злое, что только есть во мне. Вообще не слышать. Никогда.

Я не совершала никаких преступлений, и государство, в котором я жила, считалось демократическим. Меня никто не судил, мне не выносили обвинительный приговор, никто не преследовал меня за инакомыслие, и вообще, от меня ничего не требовали. Просто моим современникам хотелось развлекаться. И, конечно, они имели на это полное право.

2000–2011

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие автора	3
МАСКАРАД НЕИДЕАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ.....	5
Пейзаж	5
I. Идеальный человек.....	6
II. Маскарад неидеальных людей.....	9
Вальс-фантазия.....	9
Правила маскарада	10
Вопрошающий.....	12
Гуманист.....	13
Добродетельные (<i>опыт парного портрета</i>)	15
Лжец	20
Любознательный	21
Новый пророк	23
III. Солдаты арьергарда	24
ЗАПИСКИ МИЗАНТРОПА	26
Введение	26
Размышления с ключом в руке	27
Разговор на лестнице	32

ШУЛИКОВСКАЯ Валентина Валентиновна

ЗАПИСКИ МИЗАНТРОПА. МАСКАРАД НЕИДЕАЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

Корректор *Соболева З. Ю.*

Компьютерная верстка *Перевозицков Д. Н.*

Подписано в печать 11.11.2014. Формат 60×84 1/16.

Бумага офсетная № 1. Печать ризографическая.

Усл. печ. л. 2,3. Уч. изд. л. 1,9.

Тираж 200 экз. Заказ № 000787.

ООО ИИЦ «Бон Анца»

426063, г. Ижевск, пр. Дзержинского, 3.

Тел./факс: (3412) 63-21-63. E-mail: mail@izhcat.ru